

ЛЕОНАРД ЗЛОТАРЁВ

КАЗАКИ. ДЕТИ СОЛНЦА. «МЫ ИДЁМ С КОНЁМ ПО ПОЛЮ ВДВОЁМ»

Широкий казачий круг под Мценском, и песня звучит под баян:

- Пой, золотая рожь, пой, кудрявый лён,
Пой о том, как я в Россию влюблён.
Пой, золотая рожь, пой, кудрявый лён,
Мы идем с конем по полю вдвоём.

Виктор Садовский поднимает баян над головой:

- Станичники! Донцы – молодцы!
Кубанцы – бубенцы! Пойте, пойте, ребята,
Во все свои широкие глотки,
Славьте родную Россию свою!

Каждый год собираются тут они, орловские казаки, каждый год душу бередают исто-

рическим прошлым своим, укрепляя вековые традиции на любимой Орловщине, в которой слились теперь казаки всех краёв и весей.

Вот хомутовские – судьбищенские на конях во главе со своим атаманом Алексеем Семёновичем Злобиным.

Вот кубанский казак Виктор Фёдорович Садовский с баяном, с которым он тоже сросся, как казаки с конём.

А вот и я сюда бы к ним всей душой, донской казак, с пером своим летучим, как с шашкой над головой.

Широкий казачий круг. Широка душа, широка страна моя родная...

Вернулся Виктор Фёдорович на Кубань, в станицу свою, объехав с баяном 33 штата Америки, пол-Европы обходил, пропагандируя русскую песню. И с Кубани сюда, на Орловщину, где учился в музыкальном училище, институте культуры и искусств. Чтобы стать настоящим, профессиональным музыкантом, композитором, собирателем русских народных песен. Здесь, в Орле, у него дом и большая, дружная, песенная семья.

Каждый год собирается Виктор Садовский к себе туда, на Кубань. Доложить землякам, как он держит марку кубанскую, чем занят, что у него получается, а что ещё требует сил и внимания. Неожиданности случаются. Думал, что он музыкант-исполнитель, пишет песни на чьи-то слова, а попробовал на свои, вышел у него сборник «Берёзы мценской стороны», (1988 г.), оценили положительно. Решил Садовский попробовать себя в стихе. Издал в «Вешних водах» книгу стихов и переводов (2000 г.), затем книги стихов «Оберег», «Органную высь». Статьи в газетах пошли. Увидел сам, что получается, и все это увидели. Пригласили Виктора в отдел культуры областной газеты «Орловская правда». Вот где раскрылся, можно сказать, его главный талант – публициста.

И тут стали публиковаться у него очерки о талантливых людях Орловщины. Интуицией дошёл он до осознания того, что о талантах

надо писать особо, талантливо. Вот хотя бы очерк обо мне. Одно название чего стоит: «Мастер Леонардо из Малоархангельска». Сразу приковывает к себе внимание. Посмотрите, какой стиль, тут и метафоры, глоссы, эрудиция, сплитность мыслей и чувств, и всё это эстетика, ощущение гармонии, красоты.

«Он не причисляет себя к композиторам, которые мучаются часто очень долго в поисках нужной интонации или гармонической краски. Его мелодии рождаются сами, одновременно с текстом, и воспринимать их нужно именно так, в таком синтезе. В этом смысле он сродни античным аздам, древнерусским певцам-сказителям, таким, как легендарный Гомер, песнопевец Боян. То есть можно говорить о продолжении Леонардом Золотарёвым античной, древнерусской традиции былинно-эпического жанра («Не рыдай меня, мати» и др.), где автор текста, музыки и исполнитель представлен в одном лице, а тематика музыкальных повествований отражает то, что происходит в данное время с соотечественниками, страной и даже всем миром. Им создана «Звуковая поэзия мира» из десятков аудиокассет – музыкальное зеркало «звездочётов» земли».

То же самое я мог бы сказать и о самом Викторе Садовском. Это песнопевец Боян. Особенно в журналистике. Недаром членом Союза журналистов России он стал прежде, чем членом Союза писателей России. Откровенно говоря, он человек многих способностей и щедрой души. Написал я немало авторских песен, но не мог положить их на музыку, сделать их фактом профессионального звучания. А Виктор Садовский смог это сделать, не в пример другим, к которым не подступись. Он положил на ноты целый сборник моих стихов. Да не только мне, но и ещё, я знаю, одному «страдальцу» - сочинителю песен из Змиёвки.

И ещё такое качество широкой души Виктора Садовского: он любит людей, стремится к ним, он всегда среди них. И не только потому, что у него такая профессия: по диплому Виктор – дирижёр народного хора. Дирижировал хоровыми коллективами в

Отраде, на сталепрокатном заводе, областным народным хором, где, возможно, и развилось это его качество: тяга к людям. Ну, кто просил его в Отраде передать черты характера, частичку души своей Виктору Викторовичу Кузьминову – агроному из мценского Подбелевца? Послушайте, как играет Виктор Викторович на баяне, как он может сплотить людей вокруг себя, создать коллектив, как звучит у него русская песня.

Вот с каким багажом вполне может ехать Виктор Садовский туда к себе, на Кубань. Есть ему что показать землякам. Краснеть за своего казака тут у нас, на Орловщине, им не придётся. Вот и ездит он туда каждый год и везёт все новые и новые достижения. Не так давно там, на Кубани, а конкретно в Тамани, известной по лермонтовскому «Герою нашего времени», состоялся грандиозный праздник, посвященный 27 векам этого когда-то греческого поселения. Виктор Садовский, как всегда, надел свой казачий чекмень с газырями, подвесил к поясу кинжал и вместе со своими станичниками, с войсковым старшиной Львом Анатольевичем Яковых отправился на берег Чёрного моря. Повёз на краевой праздник свои песни, сочинённые им тут у нас на Орловщине.

Вишня. Старый верстак.

Шепчет дед, словно молится:

«Бог, Россия, казак –
Неделимая троица».

Вот и к нам сюда, в наш степной городок Малоархангельск, приезжает он на День рождения Пушкина, этот ныне всемирный праздник, объявленный ЮНЕСКО Днём русского языка. И что мы читаем? Конечно, Пушкина. И что мы поем? Конечно, народные, казачьи песни. То с этой начинаем, а то с другой.

Сяду я верхом на коня,
Ты неси по полю меня!
По бескрайнему полю моему,
По бескрайнему полю моему.
Полюшко моё, родники,

Дальних деревень огоньки.
Золотая рожь да кудрявый лён,
Я влюблен в тебя, Россия, влюблён.

А придём домой к нам, что на той же улице,
где и памятник Пушкину, пойдём в сад
с Садовским. Сядем за стол под моей ма-
теринской яблоней, да как растянет Виктор
мехи баяна, как грянем мы песню:

Распрягайте, хлопцы, коней.

Или

По Дону гуляет казак молодой.

А я вспомню еще и песню из военных лет,
из лета 43-го, когда услышал я такую песню
от встреченных у колодца казаков на конях.

Где-то там, далеко за Волгой,

Догорает небывалый бой.

Потеряю я свою кубанку

Со своей удалой головой.

Виктор скажет мне:

- Слушай, друг, спиши песню. Хочу знать
её, буду петь.

- Спишу, - скажу, - напою тебе на магнит-
ную ленту.

А потом пошло, покатило:

- Маруся, раз-два-три, калина!

Чернявая дивчина

В саду ягоду брала.

И птицы примолкнули в нашем саду, и даже
хор соседей – ветераны-бабушки и их со-
лист тенор Алексей Иванович Агарков, и те,
бывало, затихнут, слушают нас с удивлени-
ем и интересом. На полгорода летят наши
песни, до самого Парка Победы, где лежат
герои войны. А соседка Валя Кононова ска-
жет мне через загородку:

- Ну и много же, наверно, вы получаете за
такие песни! Внучку свою хочу отправить в
музыкальную школу.

А мы с Садовским переглядываемся, перемиг-
немся:

- Маруся, раз-два-три, калина!

Чернявая дивчина

В саду ягоду брала.

Перейдём в дом, в комнату, где Садовский
мои песни на ноты клал, а тут четыре стены
со всех сторон, а не как в саду вокруг сво-
бодное пространство. Тут-то на тебя и нава-
лится что-то странное, необычное и в то же
время привычное, что враз меняет карти-
ну, переводит душу в другое состояние. Тут
уж «распрягайте, хлопцы, коней» не пойдут.
Не то настроение, не те слова и мелодии. И
Садовский это понял. Тихо тронул он одну,
другую кнопку баяна. Положил голову на
мехи и едва-едва слышно запел старую ка-
зачью, любимую песню Шолохова. Так и ви-
дишь Шолохова, вроде сидит он в подпитии,
обхватив голову руками, и вдруг эта песня
откуда-то. Остановишься на половине дыха-
нья, вздрогнешь, душа встрепенется, слад-
ко занует внутри.

И поёт ее Садовский просто, задушевно,
с казачьими малороссизмами, под голос ба-
яна:

- Не для меня цветёт весна,

Не для меня Дон разольётся.

И сердце девичье забьётся

С восторгом чувств не для меня.

И сердце девичье забьётся

С восто – с восторгом чувств не для меня.

Не для меня тякуть ручьи,

Звенять алмазными струями.

Там дева с чёрными бровями,

Она растёт не для меня.

Там де – там дева с чёрными бровями,

Она растёт не для меня.

Не для меня цветут сады,

Над яром роща расцветает.

Там соловей весну встречает,

Он бу – он будет петь не для меня.

Душа моя поплыла, оторвалась от земли,
ввысь куда-то взлетела. Просто невозмож-
но стало, так стало вдруг хорошо. И Дон, и
дева, и сады, что расцветают, так и слились
с Садовским, с его неприхотливым, челове-
ческим голосом, с простым его исполнени-
ем, аж сердце защемило.

Не для меня Пасха придеть,

Родня за стол вся соберётся.

«Христос воскрес!» Вино польется,
Но эта жизнь не для меня.

Баян разливается, баян поет голосом Садовского, тонет где-то в степи, куда уходит с конём казак.

А для меня придеть война.
На фронт германский я умчуся.
Домой я больше не вернуся.
Там пу – там пуля ждёт меня одна.
И прилетит кусок свинца,
Он в тело белое вопьётся.
Вот е – вот ента смерть там ждёт меня.
Вот е – вот ента смерть там ждёт меня.
Не для меня придеть весна,
Не для меня Дон разольётся.

Одна война германская не дошла сюда, так другая зацепила белое тело казака. Вёшенская, Шолохов, Шукшин в образе солдата Лопихина в фильме «Они сражались за родину». Вот такие картины, как в кино, мелькают одна за другой за этой песней казачьей о судьбе человека.

Так всего меня и перевернуло.

- Друг! – говорю я Садовскому. – Дай-ка и я попробую, я ведь тоже казак.

- Попробуй, - тронул Садовский белые кнопки баяна.

«Ну что там? – думаю. - Оперные вещи, неаполитанские песни пою. Эта вроде проще, народная, как про ямщика. Евгений Дятлов поёт, слышали, хорошо поёт, а за душу так не берёт. Поёт Садовский так хорошо, так естественно, и не знает ведь, как он поёт»...

И вспомнились мне тут «Певцы» Тургенева, Яков Турок в шинке. Поют певцы один за другим. За Якова рубаху последнюю снимешь, а другого слушаешь, похлопаешь в ладоши, и всё.

- Витя, – говорю я. - Как хорошо, что ты есть на свете. Что есть у тебя баян, что ты поёшь эту песню. Она у тебя из нутра идёт, ты даже сам не знаешь, как выворачивает она всего меня, всю мою человеческую натуру.

- Хочешь, я тебе расскажу, откуда у меня баян, - увлажнились у Вити глаза. - Все в этих стихах, посвященных отцу моему Фёдору Макаровичу.

- Послушай, на озере Чад

Изысканный бродит жираф, - говорю я таинственное, гумилевское.

- Послушай, жираф, - улыбнулся Садовский. – Про этот мой первый, купленный батькой баян.

БАЯН (в сокращении)

Продав на ярмарке корову,
Не положив гроша в карман,
Отец купил в сельмаге новый
Известной фабрики баян.
Домой пришел «уже хороший» -
Полураздет, полуразут –
И на вопрос: «Где, Федя, гроши?»,
Открыв футляр, ткнул пальцем: «Тут».
Мать, где стояла, там и села.
Но, зная мужа нрав крутой,
Скандал затеять не посмела.
Лишь прошептала: «Боже мой!»
«Сын третий год без инструмента.
У хлопца – к музе интерес.
А ты все ту же крутишь ленту,
Послухай лучше полонез.
А ну, сынок, заграй для батьки.
Нажми на клавиши, сынок».
Я отложил свои тетрадки
И жал на клавиши, как мог.
Играл Огинского и Баха,
Набор мелодий из кино...
Отец стоял в дверях и плакал.
Точнее – плакало вино.
Потом, впервые не буяня,
Обнял за плечи нежно мать.
«Не думай, Вер, что я по пьяни, -
Сынок играет на баяне,
Большим артистом может стать».

- А что, - сказал я, - молодец – отец.

Купил баян тебе... Не Лист!

Но всё же, Витя, ты артист.

А мне мой дедушка Макарыч

Всё скрипку собирался сделать вроде.

Чертёж так и лежит, положен на ночь,

А пролежал сто лет в комод.

- Опять экспромт? – сказал мне Виктор. - Помнишь, как «Горлинку» свою ты сочинил?

- Когда?

- Я песню клал тебе на ноты.

- А, помню... прилетела горлинка и села на березу, что напротив наших окон, и перелетела в сад. Бросился я к ней с фотоаппаратом. А после стихи написал, наверно, за полчаса.

- И музыку минут за пятнадцать, - улыбнулся Садовский. - Экспромт! И я тут же положил их на ноты. Поем теперь её с тобой иногда... «Горлинка»...

- Про меня хватит, - говорю. – Про меня ты сказал достаточно. Я же пишу про тебя, Витя, про твои книги, стихи, циклы стихов. Скажу про такие, какие особо понравились мне. Например, «Пруд Савиной». Про тургеневское Спасское-Лутовиново. Это живопись словом, любовь стареющего Тургенева к молодой актрисе.

- Ну, а «Четыре чубука»? – спросил меня Виктор Садовский. – А как они тебе показались?

- Мощные! Одна аллитерация чего стоит. Че-че... «четыре чубука»... Как у Пушкина: «очей очарованье»...

- Я всегда говорил, - рассмеялся Садовский, - что у тебя есть вкус. Значит, для тебя можно писать «четыре чубука»...

И что я скажу напоследок. Всяко у человека бывает. Мелькнет он перед тобой как мастер, как метеор, но не исчезнет, так и останется в тебе, пока ты живой. Спасибо, дорогой, что ты есть, что ты будешь во мне. Бывают люди-двойники, которые сходны внешне, а мы с тобой, наверно, сходимся внутренне.

Ты, Витя, спел мне казачью песню, любимую Шолоховым. Спасибо тебе за песню. Без неё я не осуществил бы мечту своей жизни, не написал бы оперу. Вот она на аудиокассете «Голубая дивизия», где ты поёшь под баян эту песню «Не для меня».

Я вижу тебя, ты видишь меня, мы видим с тобой друг друга. Русское поле под солнцем – и мы с тобой, два казака, дети солнца, идём по нему и поём под баян.

Будет добрым год-хлебород.

Было всяко, всяко пройдёт.

Пой, золотая рожь, пой, кудрявый лён.

Мы идём с конем по полю вдвоём.

Из книги «Орловская лавра»